

А.С. Табачков

Исторический источник: онто-гносеологический анализ

В предлагаемой вниманию читателя работе мы попытаемся выяснить, как соотносятся источник и факт в историческом познании, как они оба связаны с их референтом, событием прошлого, какова функция дискурсов уже имеющегося знания, но, прежде всего, мы попробуем выяснить, какую роль играет исторический источник на самых первых и, во-многом, определяющих этапах интерпретативного процесса.

Мы не будем здесь уделять много внимания истории философского анализа этих понятий. Достаточно, на наш взгляд, сказать, что сегодняшняя русскоязычная философия и теория истории находятся в ситуации, когда, с одной стороны, имеются созданные еще советской научной практикой понятия, наподобие известного определения А. Уварова: «Исторический факт – это такое достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее обязательно облечено в единичную и особенную формы...» [1]. С другой стороны, в странном соседстве с подобными формулировками, достаточно грамотными с точки зрения диалектики¹, но все же слишком ригидными для того, чтобы быть инструментами продуктивного анализа столь сложных феноменов, находится сравнительно недавно ставшая доступной современная западная (в политическом, не в культурном, смысле) философия истории, которая вообще не утруждает себя выработкой подобных понятий, считая это устаревшим способом философской работы².

Материал и методы. В нашу задачу, по понятным причинам, не входит разработка новой типологии исторических фактов или нового способа квалификации источников, вместо этого мы попытаемся проанализировать саму последовательность

¹ Причем именно диалектичность делает это и подобные ему определения по-прежнему содержательными, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить вышеприведенное определение, например, с формулировкой В. Косолапова: «Исторический факт – это и фрагмент социально-исторической действительности, связанный с субъектом познания, вошедший в сферу его общественно-исторической практики, и в то же время – объект эмпирического уровня познания, включенный в «ткань» теоретических обобщений как исходное основание» [2].

² В такой непростой ситуации неожиданную ценность приобретает и то, что было создано в рамках советской марксистской традиции, ведь относящихся к ней авторов, несмотря на хорошо известные особенности их творчества, нельзя обвинить в том, что они были людьми рыночного, медийного успеха. Вне давления интеллектуальной моды им подчас удавалось создавать теоретические и методологические продукты очень высокого академического качества. В ряду таких достижений, безусловно, находится работа А. Ракитова «Историческое познание. Системно-гносеологический подход» [1], в которой им была предложена следующая, «эпистемологическая», как назвал ее сам автор, классификация исторических фактов: экзистенциальные (было – не было?); квалификационные (что именно было?), квалификационные факты при этом делятся на феноменологические (как?), эссенциальные (зачем?) и количественные (сколько?) [1, с. 196]. К этой типологии Ракитов добавляет, в его формулировке, «специфически историографическое» деление: темпоральные (в каком году? раньше, чем...), локографические (там-то) актомотивационные (с какой целью?) [1, с. 196].

представленности прошлого – от источника к дискурсивно оформленному знанию – и понять, каким образом эта первичная последовательность интегрирована в процесс интерпретативного синтеза смысла события исторического прошлого.

Первое, на что стоит обратить здесь внимание, – это ситуативный, на самом деле, статус исторического источника. В самом его названии есть имплицитное указание на его «наивную» трактовку – как того, с чего начинается историческое познание, некоего истока «проистекания» этого процесса. Однако, очевидно, что окружающее нас сущее, даже в обыденном месте обыденной жизни, имеет разновременной генезис. Но только в определенной, хотя и не редкой, модальности нашего восприятия сущего, мы видим какую-то вещь, понятие или символ как нечто историческое, как нечто репрезентирующее другое, не наше время.

Способность проводить такого рода различия характерна для протоинтерпретативной модальности работы человеческого мышления. Она не является каким-то исключительным и редким его состоянием. Любому интеллектуально развитому индивидууму свойственно размышление. Если при этом исключить его интроспективную составляющую, не имеющую в нашем случае прямой релевантности (если, конечно, наш размышляющий не является мемуаристом), то размышления индивидуума могут касаться настоящего культурного мира в целом или в интересующих его частностях, размышления могут быть попытками предвидения будущего и, с отнюдь не меньшей вероятностью, они могут так или иначе затрагивать прошлое. Историк в этом смысле отличается от любого другого интеллектуально развитого культурного человека только тем, что это достаточно обычное состояние является для него экзистенциально значимым поводом для дальнейшей продолжительной и целенаправленной активности, результаты которой он рассматривает в категориях успеха/неудачи себя как деятеля.

Происходящее в протоинтерпретативной модальности опознание сущего как источника требует задействования онтологической селективности нашего восприятия. Вовлечение в этот акт столь фундаментальной способности вызвано тем, что источник – это прежде всего сущее другого, уже более не существующего мира. И именно эта сущностная принадлежность иному порядку культурного бытия определяет его роль гносеологической потенциальности, обосновывает его функцию в качестве того, что может послужить действительным источником знания о прошлом.

Этот источник, конечно, может бытийно открыться и как «бросившееся в глаза» – как случайная находка необычного артефакта, как замеченный в тексте анахронизм или поразивший своей намекающей на непринадлежность «сегодня» эстетикой символ. Но такие случайные находки – редкость, и могут, по крайней мере, отчасти принадлежать к разряду тех случайностей, которые, действительно, «непознанные закономерности» случайностей, которые могут быть следствием неких скрытых от самого индивидуума особенностей его мышления. Ведь нужно ведь все-таки достаточно внимательно глядеть на мир, для того чтобы что-то в итоге могло «броситься в глаза».

Большинству же случаев опознания сущего в качестве исторического источника предшествует его более или менее сфокусированный конкретными критериями поиск. В конце концов, в археологический раскоп или исторический архив редко попадают случайно. И эта неслучайность указывает на то, что еще до момента находки самого первого источника уже имеет место какая-то активность познания, уже некоторым образом известно, что предстоит найти. Находят обычно то, что ищут, результат во многом предопределен характером его поиска.

И здесь уже можно сформулировать интересующую нас проблему сле-

дующим, достаточно радикальным, образом: источником чего на самом деле является исторический источник?

Относительно просто прийти к выводу о том, что он не может быть источником знания – знания, как трансформированного, в соответствии с нормами понимания современной³ моменту рецепции культуры, смысла события прошлого. Такое знание может быть представлено только как дискурс, а это сложное образование очень высокого уровня организации. Такого типа структуры формируются только на окончательной стадии интерпретативного процесса.

Результаты и их обсуждение. Говорить, следуя известному диалектико-позитивистскому канону, о том, что источник вследствие неких верификационных процедур превращается в так называемый исторический факт, тоже не приходится: факт как результат установления достоверности того или иного утверждения о положении дел в исследуемом фрагменте прошлой реальности, или даже как просто манифестация аутентичности референции, все равно является принципиально внутридискурсивным элементом и, естественно, конституируется одновременно с самим дискурсом⁴, а это опять слишком «поздно» и слишком «высоко» для источника – имея в виду уровень этого процесса и близость момента конституирования факта к завершающему этапу создания дискурса прошлого. Фон Вригт однажды написал: «Каждая интерпретация фактов придает им новый смысл. Факты как бы приобретают качество, которым не обладали прежде» [3].

На самом деле, любое положение, претендующее на статус исторического факта, может получить и длительно сохранять этот статус только в определенной «дискурсивной среде», только будучи элементом конгруэнтной себе дискурсивной структуры⁵. Это верно даже для самых казалось бы простых и до поры почти общепризнанных фактов. Какой бы неоспоримой ни казалась, например, дата какого-либо события, она может быть оспорена – посредством отрицания референтного ей знания, дисквалификации тех источников, из которых она выводится, путем подрыва статуса самого события как действительно произошедшего или, в конце концов, даже атакой на саму систему хронологии. У любых сколь либо более сложных «неоспоримых исторических фактах» еще меньший запас прочности и постоянства значения: мотивы и поводы вооруженных конфликтов, акты геноцида, научные и технические приоритеты – все это и многое другое легко может быть подвергнуто сомнению. Факт, каким бы простым он ни казался, существует только в точке пересечения множества референций исторического дискурса или комплекса таковых, достоверность исторического факта может и должна оспариваться, достоверность источника – совсем другого рода и она, за исключением случаев «технической» дисквалификации (неподлинность, неверное атрибутирование

³ Культуры, современной моменту рецепции этого знания.

⁴ Факты, безусловно, используются историком уже на этой начальной, протоинтерпретативной стадии, но это пока факты не его дискурса, заимствуя их из уже имеющегося знания, он задает первичное пространство того, что будет уже его объектом и его дискурсом этого объекта. По мере продвижения работы, ранее заимствованные факты, оказавшиеся «внутри» смыслового и объектного полей вновь создаваемого дискурса, подлежат постепенной замене. Факт, как уже отмечалось, это интегральная часть исторического дискурса, поэтому интерпретативный дискурс может инкорпорировать только свои, аутентичные факты. При этом его внешние референции, направленные за пределы его смыслового и объектного полей, это всегда референции к дискурсам, а не к неким «соседним» фактам, не существующим независимо от конституирующих их дискурсивных структур.

⁵ Сейчас с трудом можно себе представить, что, казалось бы, тривиальный тезис Л. Февра о принципиальной созданности, а не данности исторического факта [4], мог в момент своей публикации в 1933 году рассматриваться как новаторский.

и т.п.), неоспорима. У факта и у источника разные способы бытийной актуализации – факт утверждает, а источник свидетельствует. Факт связан со своим дискурсом, источник с культурным миром – местом своего генезиса; исторический факт дискурсивен, источник – феноменальная сущность. Поэтому продукт труда историка, а именно таков на самом деле факт⁶, каким бы привычным и хрестоматийным он ни казался, хрупок как и все дискурсивное.

Мы считаем, что исторический источник – это источник фактичности⁷: особого бытийного способа наличия сущего, гетерогенного миру, в котором происходит акт его опознания в качестве источника. Источник никогда не является непосредственным предшественником факта. Источник – это обнаруженное и актуализированное вниманием историка присутствие иновременного по его генезису⁸, культурно значимого сущего. При этом его культурная значимость – и в этом его отличие от любого другого сущего – дуальна: она конституирована его значимостью в культуре синхронной его генезису и значимостью этой его прошлой значимости для мира современной (моменту наблюдения) культуры.

⁶ То есть, как и интерпретация в целом, он «онтологически не может соответствовать тому, что в обыденной речи принято понимать под открытием, не может быть неким снятием покровов с уже существовавшего, но до поры скрытого (этот же смысл содержится и в английском *discovery*, и в немецком *Entdeckung*); до момента своего создания она не была фактором никакого процесса или события, не бытийствовала вообще» [5].

⁷ Специально вводимое здесь понятие – для различения с распространенным термином «фактуальность», имеющим преимущественно источниковедческие и теоретико-исторические импликации.

⁸ Генезиса, разумеется, не только как момента физического возникновения, но как процесса первичного осмысления, инкультурации – любых фаз его бытия до превращения в исторический артефакт.

Заключение. Именно фактичностью проявления феноменальной природы исторического источника и объясняется то обстоятельство, что наличие или отсутствие действительных референций к источникам служит главной линией демаркации между историей и беллетристикой, онтологически фундированным разделом между смыслом и вымыслом.

Посредством фактичности исторический источник представляет свой уже ушедший мир в мире актуального настоящего, именно мир, а не дискурс о мире – как это бывает в случае исторического факта – стоит за источником. Источник осуществляет своего рода посольство и представляет мир прошлого без всякого посредничества. Но эту миссию он, конечно, может выполнить только став элементом сначала протоинтерпретативного, а затем и собственно интерпретативного актов обращения к прошлому. Однако несмотря на понятную несамостоятельность его актуализации, сущее источника все-таки ведет себя как феномен, то есть бытийно проявляет себя как присутствие, как делящееся своей сущью сущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ракитов, А.** Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. Ракитов. – М.: Издательство политической литературы, 1982. – С. 192.
2. **Косолапов, В.** Методология и логика исторического исследования / В. Косолапов. – Киев: Вища школа, 1977. – С. 292–293.
3. **Вригт, Г.Х. фон.** Логико-философские исследования / Г.Х. фон Вригт // Избранные труды / Г. Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – С. 165.
4. **Февр, Л.** Суд совести истории и историка / Л. Февр // Бои за историю / Л. Февр; пер. с франц. – М.: Наука, 1991. – С. 15.
5. **Табачков, А.** Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 67.

S U M M A R Y

In this work the problem of objects' onto-gnosiological properties of historical knowledge is considered. The central thesis of the given article can be formulated as follows: the historical source is a source of factuality – special kind of presence of reality, reality of things or discourses, heterogeneous to the world in which they are identified as historical sources.

Поступила в редакцию 28.08.2009